

Цзао Цинь на мгновение позабыл об ушибленном колене — поднял взгляд и увидел: Цинь Цзышуай зажимает нос ладонью, меж пальцев сочится алая кровь.

— Что с тобой? — вытаращил он глаза.

Красивое лицо Цинь Цзышуая побагровело почти до цвета его же крови. Сам он, похоже, не меньше удивился — и торопливо бросил:

— Перегрелся что-то.

Тут же встал и прошёл в ванную. Зашумела вода; вышел он уже без крови. Только несколько прядей у лба намокли и слиплись, влажные волоски прилипли к коже.

Он подошёл, наклонился вперёд — в изгибе спины угадывалось сдержанное напряжение. Рельефная рука обхватила лодыжку Цзао Циня, другой он аккуратно стёр влажным полотенцем следы крови.

— Всё, чисто, — произнёс, сглотнув. Полотенце по-прежнему было сжато в кулаке — так крепко, что из ткани выступила вода.

Лишь тут он заметил: чуть ниже колена Цзао Циня темнело небольшое синяковое пятно. Ушиб был свежим и неглубоким, но на фарфорово-белой коже — бросался в глаза.

Цинь Цзышуай нахмурился.

— Сун Чэн?

Цзао Цинь часто закивал, выделяя каждое слово:

— Ужасно больно!

—... Ну, то есть, не специально он. — Цзао Цинь изобразил жест, но рассказывать всё до конца было неловко, поэтому сказал полуправду: — Вот здесь. Он меня толкнул, я случайно угодил об угол кровати.

Повторил ещё раз, поднял взгляд и встретился глазами с Цинь Цзышуаем:

— Правда, очень больно.

Вид — сама обида.

Сам Цинь Цзышуай то и дело получал ушибы по самым разным причинам и обычно не обращал на них никакого внимания. Но этот маленький синяк на ноге Цзао Циня заставил его собраться так, будто речь шла обо всех его собственных ранах разом.

Под немного растерянным взглядом Цзао Циня, который вытянул шею, он встал и снова скрылся в ванной — вышел уже с другим влажным полотенцем.

Стоило холодной ткани лечь на ушиб, как Цзао Цинь дёрнулся убрать ногу, но Цинь Цзышуай перехватил его за икру:

— В комнате ничего нет. Если не приложить холод сейчас, завтра будет хуже и синяк расползётся.

Полотенце было ледяным.

Услышав про «будет хуже», Цзао Цинь поколебался — и всё-таки решил потерпеть. Пальцы вцепились в одеяло.

У коротко стриженного парня были глаза как у волка — тёмные, с зеленоватым отблеском. Но сейчас Цзао Цинь думал, что это просто такое лицо — суровое, — а сам он, в общем-то, нормальный.

— Спасибо, — быстро выдал Цзао Цинь.

Цинь Цзышуай отвёл взгляд. Уголки губ сами собой поползли вверх — он подавил это с усилием.

— Завтра куплю тебе мазь. В обед — возвращайся в комнату, не забудь.

— Хорошо.

Едва он это произнёс, как зевнул — ноги, прежде плотно сжатые, сами собой слегка разошлись. Цинь Цзышуай подождал, пока станет достаточно, и только тогда убрал полотенце.

После всех сегодняшних потрясений Цзао Цинь прижал одеяло к себе, уткнулся щекой в мягкую ткань и почти сразу провалился в сон.

Цинь Цзышуай, лежавший на соседней кровати, и думать не думал о сне. Лежал на спине, ноги согнуты, руки — под головой.

Он ни о чём не думал намеренно — но некоторые образы всплывали сами собой, и остановить их было невозможно.

Зажмурился. Тут же открыл. Ощущая жар в теле, встал с кровати, прошёл в ванную и плеснул холодной водой в лицо.

Когда вышел — ноги сами принесли его к кровати Цзао Циня. Тот спал; дыхание — ровное, едва слышное.

Сам не понимал, что делает.

Большая ладонь зависла над щекой маленького соседа — совсем близко, но так и не коснулась: рука была слишком холодной. Одна ладонь могла бы накрыть половину его лица — такого мягкого, такого маленького.

Изгиб вздёрнутого носика так и манил прикоснуться. Спящий тихо пробормотал что-то, чуть сморщил нос — явно выражая своё недовольство — и повернулся на бок.

Непонятно где купленная дешёвка — кружево колелось, но хотя бы не прилегало к телу вплотную, так что особого дискомфорта не доставляло.

На талии ткань собралась складками: такая она была узкая и мягкая. Зато дальше, на бёдрах, материя снова натянулась; будь в комнате свет, сквозь неё, пожалуй, просвечивала бы кожа.

Одеяло сползло и уже ни от чего не укрывало. Подол едва прикрывал верхнюю часть бёдер.

Белые лепестки, расцветающие в ночи на самом пределе.

Только сейчас, только этой ночью — можно смотреть, как тать в ночи.

.

В комнате было светло и тихо. Цзао Цинь — один. За окном густая листва заслоняла часть солнца, но это нисколько не мешало погоде быть по-настоящему ясной.

Он нехотя поднялся, потянулся, сидя на кровати, и только тут заметил: то самое платье по-прежнему на нём. Вчера вечером забыл переодеться.

Мужских вещей такого фасона было почти не найти, поэтому он взял женский вариант. Декольте зияло широко — его мальчишеская грудь совершенно не держала форму, бретели то и дело соскальзывали с плеч.

Он так и не понял, откуда в нём тогда взялась решимость. Сейчас он не мог заставить себя смотреть на собственное отражение. Инстинктивно прикрыл грудь рукой. На душе было сложно.

Облегчение — что ничего не случилось. И рядом с ним, где-то совсем близко — едва уловимая... разочарованность.

Даже само решение далось ему с трудом: с детства он боялся боли, перечитал в интернете уйму всего, долго настраивал себя психологически — и всё равно едва решился.

Вчера ничего не вышло. Сун Чэн его полностью отверг. Идея попросить его о помощи окончательно рухнула.

Цзао Цинь поджал губы и снова упал на кровать.

В Сектор А его не пускают. Друзья на сообщения не отвечают. Отцу он ничем помочь не может. Мама сказала: сиди пока в школе, домой не приезжай.

Он всё испортил...

Цзао Цинь медленно свернулся клубком. Что-то внутри инстинктивно сопротивлялось этому чувству — отвращению к самому себе.

Нет. Не он.

Это всё Ли Чжиюэ. И те друзья, которые не умеют держать язык за зубами.

Они же клялись никому не говорить. А в итоге — вся школа знает: есть такой Цзао Цинь, помешанный на тщеславии, который сам выдумал роман с Ли Чжиюэ и ещё у него что-то украл.

Даже охранник смотрит на него как-то не так.

Стоило об этом вспомнить — в груди что-то сжималось, к горлу подкатывало.

Ручку Ли Чжиюэ он давно вернул. Даже оставил в его ящике шоколадку — ту, что мама привезла из-за границы. А тот всё равно не успокоился.

В двери повернулся ключ.

Цзао Цинь вздрогнул. Успевшие навернуться слёзы он не вытер — просто мгновенно нырнул

под одеяло, вспомнив, в чём одет.

Цинь Цзышуай толкнул дверь, увидел, что тот уже не спит — и чуть замедлился, закрывая за собой.

Маленький симпатичный сосед сидел на кровати с влажными глазами, глядя прямо на него. Казалось, будто ждал.

Цинь Цзышуай чуть сбавил дыхание, подошёл к столу посередине комнаты и поставил что-то.

— Думал, ты ещё спишь. Принёс поесть.

Цзао Цинь посмотрел. Сэндвич и молоко. Не то чтобы его любимое.

Утреннее раздражение ещё не улеглось. Сразу после него навалилось унылое настроение. К тому же переодеться он так и не успел.

Всё это накопилось — и Цинь Цзышуай, так некстати ввалившийся и лишивший его возможности нормально встать, сделался готовым громоотводом.

Вернись он чуть позже — Цзао Цинь успел бы переодеться, и ничего неловкого не было бы.

Цзао Цинь украдкой зыркнул в его сторону — и совершенно некстати наткнулся на взгляд Цинь Цзышуая, который повернул голову именно в этот момент.

Цзао Цинь чуть не вздрогнул. Опустил глаза, делая вид, что всё в порядке, и потрогал шею.

Чёрт. Такой здоровенный громоотвод — а злиться страшновато. Вдруг Цинь Цзышуай ему врежет? Отбиться не получится никак.

Цинь Цзышуай с детства был крупнее сверстников. Сейчас — под метр девяносто, предплечья покрыты рельефной мышцей. Да и характер под стать: прямой, режет правду в лицо, не смотрит на чины.

В школе он всегда ходил с видом человека, которому уступают дорогу. Ничьих выходок не терпел.

И тем не менее — этот самый Цинь Цзышуай, который всю ночь не сомкнул глаз и с утра, словно сам себя не узнав, пошёл покупать кому-то завтрак, — сейчас, увидев чуть обиженный взгляд Цзао Циня, и не подумал сердиться.

Напротив — наклонился к нему:

— Что случилось? Чем недоволен?

Зелёные искры в глубине тёмных зрачков — отчего-то напоминали большую собаку: озадаченную, искренне не понимающую, чем она провинилась.

Суровое лицо, чуть округлившиеся от любопытства глаза — и вдруг во всём облике что-то безыскусное, даже добродушное.

Цзао Цинь вспомнил, как мягко вёл себя Цинь Цзышуай прошлым вечером, и это только укрепило его в своих мыслях.

Несколько раз моргнул и кивнул в сторону двери:

— Может, выйдешь ненадолго?

Цинь Цзышуай посмотрел в указанном направлении, помолчал несколько секунд, повернулся обратно. Голос — бесстрастный:

— Зачем?

Вид — человека, который уходить не собирается.

...

Цзао Цинь не успел придумать отговорку. Мужчина, стоявший перед ним, несколько секунд смотрел на него — а потом вдруг встал, в несколько шагов добрался до ванной, толкнул дверь и окинул взглядом, как на обходе.

Цзао Цинь наблюдал в оцепенении, пока тот заканчивал своё «дежурство».

Цинь Цзышуай уселся на стул и всё ещё бросал взгляды под кровать.

— Не выйду.

— Почему? — Цзао Цинь начинал подозревать, что попросил о чём-то совершенно из ряда вон выходящем.

Тот смотрел серьёзно:

— Слежу за твоей безопасностью. А вдруг Сун Чэн вернётся и снова начнёт тебя обижать?

Так говорил, будто Сун Чэн — матёрый преступник.

[Особый NPC-игрок Цзао Цинь — все остальные игроки вошли в Мир испытания.]

Система уведомила бесстрастно и внезапно.

Цзао Цинь обработал это с небольшой задержкой — и лишь тогда вспомнил: это же голос системы у него в голове.

Стоит лишь проверить, есть ли в этом мире другие игроки, — и станет ясно: галлюцинации это или всё происходит на самом деле.

Нетерпение прорвалось в голосе — получилось почти приказом:

— Тогда хоть в ванную зайди. Подожди там.

— Нет. — Привалился к столу, всем видом говоря: не уговоришь.

Всё понятно — просто из вредности. Цзао Цинь покраснел от злости, вцепился в одеяло и не сдержался:

— Ты специально так делаешь, да?!

— Мне нужно переодеться! Ты тут сидишь — я что, при тебе должен?!

...

Совершенно нормальная просьба, казалось бы.

Среди парней обычно на это не обращают внимания. Но он вёл себя так, словно это вопрос жизни и смерти — готов был вспылить из-за одного взгляда. Выглядело странно и неловко.

—... А, переодеться, — произнёс Цинь Цзышуай, дыхание чуть участилось. Тут же, не моргнув глазом, придвинулся ближе: — Что там смотреть-то. Давай помогу.

От этой фразы — наглой до потери всяких берегов — у Цзао Циня над головой почти буквально повалил пар, как в мультике.

— Нет! — Отрезал твёрдо. И, кажется, разозлился всерьёз.

Цинь Цзышуай и сам-то просто хотел его поддразнить.

Да и не горел он таким уж жгучим желанием — не то чтобы очень хотелось смотреть. Ну, обычный такой. Белокожий. Симпатичный...

Засунул руки в карманы и повернулся спиной:

— Ладно, ладно. Не смотрю. Переодевайся давай.

Прохладное утреннее солнце пробивалось сквозь прорехи в листве — и дробные пятна света скользили по фарфорово-белой спине Цзао Циня.

Платье висело на нём мешком, длинные белые ноги оставались голыми; босиком он семенил к шкафчику, выхватил одежду — и мигом нырнул обратно под одеяло.

Всю дорогу не спускал глаз со спины Цинь Цзышуая — как будто тот вор.

Оделся под одеялом, напоследок накинул пиджак школьной формы — и только тогда встал и побежал в ванную умываться и приводить себя в порядок.

Одёрнул полу пиджака, посмотрел в зеркало — и остался доволен. Улыбнулся своему отражению.

Когда Цинь Цзышуай на него взглянул — мягкие волосы, белоснежная кожа, тёмно-серый пиджачок, который Цзао Цинь заблаговременно и не без хитрости отдал переделать: подогнан в талии, безупречно подчёркивает фигуру.

Словно весенний побег — изящный, тонкий, ни на кого не похожий.

Чем это отличается от того, что было на нём раньше... — Цинь Цзышуай не дал мысли додумать, расставил завтрак перед ним.

— Поешь.

— Угу. — Цзао Цинь схватил сэндвич. — Я пойду. Срочное дело.

Выйдя из общежития, он быстро спустился по витой лестнице и направился к учебному корпусу. Атмосфера изящной роскоши разливалась вдоль светло-золотых полов; белоснежные классические арки и колонны молчаливо заявляли об особости этой школы.

Под взглядами разбредающихся по двое-трое одноклассников он дожевал последний кусок сэндвича. Немного поперхнулся, но в животе наконец потеплело.

Они точно опять говорят о нём что-нибудь нехорошее.

Сквозняк принёс обрывки приглушённых голосов.

— Вот тот самый?

— Он самый. Не смотри, что такой скромный — давно уже вьётся вокруг Сун Чэна, прям липнет. Ты же в курсе?

— Правда? А форма у него хорошо... — Голос внезапно осёкся. Смысл был понятен и без слов. Парень явно понизил голос намеренно.

Только в глазах Цзао Циня всё выглядело иначе — они нарочно говорили так, чтобы он слышал. Знали, что дома у него беда, решили, что теперь можно — и ждали, пока он подойдёт.

Цзао Цинь несколько раз вздохнул, пытаясь унять поднимающееся в груди горькое чувство.

А потом понял, что не может.

Сделал несколько шагов и встал перед одноклассниками, глядя прямо в лицо:

— Как я одеваюсь — тебя касается? Или есть какое-то правило, запрещающее переделывать форму?

С того момента, как он подошёл, воздух словно застыл. Только издалека доносился гул чужих голосов.

Высокий худощавый парень с серёжкой в левом ухе стоял под его взглядом, не шелохнувшись — как вкопанный.

<http://bllate.org/book/18271/1763087>